

«Суровый счет ведите всем утратам»

- [Москва. - Август 2013](#)

Анатолий Анатольевич Парпара родился в 1940 году в Москве окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Советский и российский поэт, драматург, общественный деятель, профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), председатель фонда имени М.Ю. Лермонтова, создатель (1996) и редактор «Исторической газеты». В 1973 году вышла первая книга его стихов «Первый перезвон». Автор примерно двадцати поэтических сборников. Много лет проработал в отделе поэзии журнала «Москва».

В конце 1979 года поэту Василию Дмитриевичу Федорову была присуждена Государственная премия СССР за произведения последних лет. Радости моей не было предела, когда я об этом узнал. Единственно, что меня в тот момент смутило, так это странно-обтекаемая формулировка. Но я понимал, что объявить на весь мир о вручении Государственной премии за ироническую поэму в семи песнях «Женитьба Дон-Жуана» для идеологов советского времени было делом невозможным. Вот и прикрылись они стыдливо фиговым листком: «произведения последних лет».

И все же радость такого признания (а для меня и восстановления справедливости) клокотала во мне неустово. Я должен был разделить это пьянящее чувство победы с поэтом и позвонил ему домой, но телефонная трубка на мои звонки не реагировала. Тогда я помчался в Центральный дом литераторов, где обычно по вечерам Василий Дмитриевич гонял шары в знаменитой бильярдной.

Не успел я открыть тяжелую дверь писательского особняка, как увидел Федорова, идущего навстречу, к выходу. Я кинулся к нему с поздравлением, но он охладил мой восторг неожиданно ироничным: «Переживем и это!» Его восклицание напомнило мне знаменитую фразу из притчи о царе Соломоне: «И это пройдет тоже!»

Почему же так ответил Василий Дмитриевич мне, немало сделавшему для публикации этой поэмы, не проходимой ранее через цензуру?

Для ответа на этот вопрос придется вспомнить предысторию.

Начало влюбленности

В декабре 1960 года я оказался в увольнении в Таллине, бродил узкими улицами в центре города, любовался старой готикой и, чтобы окончательно не заоченеть в бушлате

и бескозырке от негостеприимного, пронизывающего до костей ветра, летящего с Балтийского моря, заскочил в книжный магазин. Медленно оттаивая от студа, я рассматривал книги, лежащие на витринах, вчитываясь в неизвестные мне имена эстонских писателей и поэтов, изданных на русском языке, и тут зоркий глаз мой зацепился за что-то знакомое. Я развернул обложку: по всей ширине разливалось, как мне показалось, зеленоватое море с белыми льдинами посередине, а с правой стороны упирались в край рисунка стволы русских березок. На льдистом фоне черным шрифтом имя автора: Василий Федоров, чуть ниже красным: «Не левее сердца». Заинтересованно раскрыл книгу. Стихотворение «Красивым»:

*Люблю красивых.
Жизнь их,
Быт их,
Глаза,
Улыбку,
Добрый смех
Воспринимаю как открытие,
Наиглавнейшее из всех.*

*В них все:
И ум,
И обаянье,
И гордый жест, и поступь их -
Мне явится как оправданье
Всех мук моих,
Всех слов моих.*

*Зачем прекрасными чертами
Так полно каждый наделен?
Красивые,
Они за нами
Пришли
Из будущих времен.*

Прочитал - и сразу радостный жар прошел по всему телу. Как же это неожиданно и чудесно: «Красивые, они за нами // Пришли из будущих времен».

К тому времени я, двадцатилетний матрос, уже бредил поэзией, сам исписывал стихами блокноты и даже кое-что публиковал во флотских газетах, но поэзия Василия Федорова оказалась несравненно гармоничнее, умнее и возвышенней всего ранее прочитанного в книгах современных поэтов.

С того дня я стал искать его сборники во всех магазинах, ведомых мне. Разыскал «Дикий мед», «Золотую жилу», а позднее купил «Лирику» и книгу поэм «Белая роща». Очень полюбил поэмы «Проданная Венера» и «Золотая жила».

Прошло четыре года, и я в Центральном доме литераторов, на вечере 50-летия со дня рождения лауреата Сталинской премии 1-й степени Алексея Недогонова (1914–1948), автора ставшей знаменитой поэмы «Флаг над сельсоветом», услышал выступление его друга - Василия Федорова. После окончания вечера я подошел к поэту, окруженному

поклонниками, и попросил поставить автограф на листке, вырванном из записной книжки, под написанным мной от руки любимым четверостишием Василия Дмитриевича:

*Отдам народу сердце, руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа.
Слуги
Всегда с хозяином хитрят.*

И поэт плотными высокими буквами написал:

*Вас. Федоров.
16. XI. 64.
Вечер Ал. Недогонова.*

Я тогда не знал еще и даже не догадывался о том, что именно в это время Василий Дмитриевич, бывший мастер авиационного завода в Новосибирске, работает над главой «Москва, Москва...» поэмы «Седьмое небо», в которой будут такие строки:

*В письме был зов.
О сила зова!
Я растерялся, поражен,
Что так вот странно приглашен
В Дворец культуры Горбунова.*

В этот дворец - а точнее, в библиотеку его, - который был за полтора километра от моего дома, на 2-й Филевской улице, я с восьми лет ходил пешком за новыми книгами. А с тринадцати лет - и в театральную детскую студию, где мне и моим товарищам благородный Виктор Александрович Стратилатов, театральный режиссер, давал уроки любви к сцене и драматургии. Во дворец вела дорожка через парк. Об этом, возможно в тот же вечер, вспоминая Алексея Недогонова, поэт и написал:

*Парк.
Через парк
Во мгле пуржистой
Меня тропинка привела
К творению конструктивистов,
Певцов бетона и стекла.*

Кстати, дворец принадлежал до войны авиационному заводу № 22, а потом заводу № 23, который стал в 1961 году заводом имени Хруничева, а ныне - Государственным космическим научно-производственным центром им. М.В. Хруничева. На этом тогда лучшем в стране авиапредприятии проходил Василий Дмитриевич свою практику. Там же работали и занимались в литературном объединении, созданном ими же, Алексей Недогонов и Сергей Смирнов, будущий лауреат Государственной премии России. Возможно, именно там, во Дворце культуры завода, и познакомились все трое. Кстати, в 1958 году в это же литобъединение, уже имени Алексея Недогонова, я, электромонтер цеха № 14 этого же завода, принес свои первые стихи, которые были опубликованы в

нашей многотиражке «Все для Родины». А уже через десять лет я и сам стал наставником рабочих поэтов...

Это сейчас мне легко соединять воедино судьбы талантливых поэтов в общий узел, а тогда, в 1964 году, я и не догадывался, как печально и счастливо все это завяжется и отразится на моей судьбе.

«Я - заведующий отделом поэзии...»

- Ты не хочешь со мной пообедать? — предложил мне Михаил Алексеев, главный редактор журнала «Москва», после заседания редакционной коллегии, на которой представил меня как нового заведующего отделом поэзии. И хотя я в течение шести лет был внештатным консультантом отдела, а месяц назад (в апреле 1975 года) меня приняли в Союз писателей СССР, по некоторым враз похмуревшим лицам присутствующих понял, что решение главного понравилось не всем. Я тогда был болезненно застенчив, и любой косой взгляд мог меня смутить. Это потом работа в «Москве» научила меня выдерживать могучие удары на самом высоком уровне, вплоть до цэковских (сказалась флотская закалка), а тогда мое настроение сильно изменилось.

Заметив эту перемену, Михаил Николаевич закрыл заседание редколлегии, а меня, собравшегося уйти, тронул за плечо:

— Анатолий, ты не хочешь со мной пообедать? Пойдем в Дом литераторов, спокойно посидим...

Мы сидели за широким столом под витой старинной лестницей в знаменитом особняке. Официант принес нам закуску, филе по-суворовски, маленький графинчик водки, - мы оба любили в меру этот национальный напиток, - и, само собой, пошел у нас разговор о стихах. Я знал, что Михаил Николаевич был влюблен в поэзию, особенно в творчество Николая Некрасова, мог читать его стихи и поэмы, не запинаясь, часами. Я и сам боготворил не только классику, но и был знаком с творчеством практически всех современных поэтов. И мы легко переходили от одного поэта к другому, читали вслух любимые стихи. Иногда он, произнеся две строчки, замолкал, а потом простодушно спрашивал:

- Не помнишь, чьи это стихи? Что-то память подводить стала... Я подхватывал, поскольку многое знал наизусть. И тут Михаил Николаевич неожиданно спросил:

- Анатолий, а ты знаешь, как надо вести отдел поэзии?

- Как?

- А вот так! Только вперед! - и прочертил рукой прямую линию.

Я не удержался и спросил:

- А можно вести так, как у идущего человека?

- Как это?

- Когда человек идет, то раскачивается: чуть вправо, чуть влево...

Ему понравилось мое сравнение. Я понял, что у нас может сложиться доброе взаимопонимание.

У меня был горький опыт годового общения (1970–1971 годы) с главным редактором журнала «Наш современник» Сергеем Викуловым, который любил исписывать рукописи поэтов своими безапелляционными замечаниями и восклицаниями и

требовал от меня, чтобы я знал абсолютно точно, кто может прийти в редакцию, а кому и незачем приходить. На мои возражения-убеждения в том, что нам важны конкретные произведения авторов, а не их литературная или политическая ориентация, он никак не реагировал, только смотрел рыбьими глазами в упор, и я уходил ни с чем...

знал, что по штатному расписанию журнала «Москва» заведующий отделом поэзии не является членом редколлегии. Потому, поведав об опыте общения с Сергеем Васильевичем, сказал Михаилу Николаевичу, что мне нужна возможность прямого выхода на него, минуя заместителей.

Надо отдать должное Алексееву: через двадцать дней я был утвержден на секретариате Московского отделения СП России членом редколлегии. Я был счастлив тем, что получил возможность высказывать свое мнение на заседаниях редакционной коллегии. Но всей сложности работы я еще не знал, а о тайнах «московского двора» и не догадывался. Впрочем, я держал в памяти своей стихи Евгения Винокурова: «Я — заведующий отделом поэзии. Позиция зава — позиция страдательная...»

Уже через полгода я предложил к публикации поэму «Золотая гора» малоизвестного тогда поэта Юрия Кузнецова. Большинство членов редколлегии высказалось отрицательно об этой талантливой, но дерзкой работе. Особенно смущало, а некоторых и возмущало вот это место в поэме, описывающее пир великих на Золотой горе:

Где пил Гомер, где пил Софокл,
Где мрачный Дант алкал,
Где Пушкин отхлебнул глоток,
Но больше расплескал.

Они считали, что так непочтительно, даже хамовито нельзя относиться к великому поэту. «Да и кто он такой сам? Автор единственной московской книжки стихотворений - и всего-то. А описывать при помощи вульгарных глаголов (“отхлебнул”, “расплескал”) действия классика ему еще рановато!»

К тому же Юрий Кузнецов в одной из своих недавних статей обрушился на стихи Игоря Шкляревского и Леонида Мартынова (по-моему, несправедливо), а критика, что вполне естественно, напала на него. И тем не менее я высказал свое мнение: «Золотая гора» - явление необыкновенное, Кузнецов - оригинален, равнодушен, молод, а молодость имеет право на дерзость; такой раздражитель принесет несомненную пользу отечественной словесности, да и самого поэта наша публикация может оградить от нападков критики. М.Н. Алексеев согласился, и я срочно поставил поэму в мартовскую книжку «Москвы» 1976 года. По выходе номера из печати «Комсомольская правда» неожиданно для всех высоко оценила «Золотую гору». Имя Юрия Кузнецова утвердилось в современной поэзии.

Еще через полгода я попросил у Владимира Соколова рукопись поэмы «Сюжет». Эта многолетняя работа любимого мной поэта была изящной, почти воздушной по легкости строк, но весомой и обаятельной по силе зрелого чувства. Она уже успела побывать в нескольких журналах и везде была отклонена. И так же трудно была воспринята редколлегией «Москвы», но все-таки была, опять же благодаря решению Михаила Алексева, всегдашнего покровителя поэтов, опубликована в декабрьской

книжке 1976 года. И не успел выйти журнал, как поэма тут же была отмечена положительными рецензиями в «Литературной России» и даже в «Правде».

Сегодня нелишне будет узнать современному читателю, что именно тогда в «Литературной газете» шла дискуссия о гибели поэмы. Читателя убеждали в отмирании этого громоздкого жанра. А журнал «Москва» бился за публикации крупных поэтических работ. Кстати, опубликовать вместо большой поэмы дюжину подборок было для редакции делом более безопасным и выигрышным. Отдел поэзии получал ежедневно более тридцати стихотворных рукописей со всех концов страны. И хотя ежемесячник был органом городским — мы могли бы ограничиться только рукописями москвичей, — Москва столица огромного государства, и это ко многому обязывало. Я придумал рубрику «От Москвы до самых до окраин», которая вскоре стала настолько популярной, что редакцию буквально засыпали стихами. Правда, порой влетало мне на заседаниях редколлегии за эти публикации. Но я-то знал, что даже одно стихотворение, напечатанное в «толстом» журнале, могло оказать влияние на выход книги в областном или республиканском издательстве. И неслучайно «Москва» открыла для читателей немало способных поэтов, здравствующих и поныне.

В начале 1977 года мне стало известно, что Василий Федоров закончил работу над поэмой «Женитьба Дон-Жуана». Вскоре в «Огоньке» печатается «Песнь четвертая» — одна из семи глав. До этой публикации я слышал из уст автора только различные фрагменты поэмы. Василий Дмитриевич любил в кругу немногих друзей читать свои новые стихи, и я не раз был свидетелем темпераментного и основательного исполнения их. Было такое впечатление, что поэт на глазах слушателей заново создает свои стихи и делает нас соучастниками творения. Читал он уверенно, но мягко, избегая подчеркивать рифмы, как это делают, подвывая, поэты.

При последующих встречах я просил его отдать поэму в «Москву», но Василий Дмитриевич отказывался: «Я опубликую ее в журнале “Молодая гвардия”. Я там член редколлегии. Меня там любят и обещали напечатать». Но любви сотрудников журнала к Федорову оказалось мало. Необходимо было, чтобы умное творение поэта полюбили в цензуре. А в этом досточтимом заведении современное прочтение легенды о великом ловеласе Дон Жуане всерьез не восприняли. А может быть, восприняли подозрительно серьезно и потому зарубили! Узнав об этом, я выпросил у поэта рукопись. Что не прошло в одном журнале, может пройти в другом, ибо и цензоры бывают разные. На это я и надеялся.

Страдания «Дон-Жуана»

*Ведь если счастье нам далось трудней,
То радость и торжественней, и выше.
А если это так, зачем самим же
Обкрадываться в гордости своей.
Суровый счет ведите неудачам.
Особо тем, когда за всех мы плачем.*

*Да будет слово громом и набатом.
Суровый счет ведите всем утратам.*

Вне сомнения, Василий Федоров - один из выдающихся поэтов второй половины двадцатого столетия. Его пронзительная лирика покорила читателей неотразимо.

Завистников же, особенно в среде самих писателей, было предостаточно. Но даже они не отрицали его поэтических способностей. Вот свидетельство Евгения Евтушенко: «Из Федорова долго, но безуспешно делали классика при жизни - как бы Большую Берту, направленную против популярности поэтов-шестидесятников. Строки Федорова: “Сердца, не занятые нами, без выстрела займет наш враг”, “Сердца, да это же высоты, которых отдавать нельзя!” - в годы застоя и борьбы с диссидентами беспрерывно цитировались в официальных статьях. Но человек он был безусловно талантливый, и я с удовольствием предоставляю место в этой антологии еще одному моему многолетнему литературному противнику» (Строфы века: Антология русской поэзии /Сост. Е.Евтушенко. Минск; Москва: Полифакт, 1995).

Сегодня грустно читать о популярности поэтов-шестидесятников, об их неутоленных амбициях, об их «многолетних литературных противниках». Жизнь устроила им жестокую проверку: обещавшие быть с Россией (то есть жить, бороться и страдать с ней), они не выдержали испытаний и уехали пророчествовать за границу... Сколько обманных клятв в адрес России мы слышали от них. А как красиво они лгали! И как наивно им многие внимали! И насколько глубже понимал природу таких людей Василий Федоров, когда утверждал в своей поэме:

*Глупей всего ведут себя в осуде
Добру недоучившиеся люди.*

Итак, вскоре толстенная папка - семь тысяч строк! - оказалась на моем столе. И тут отдел поэзии, еще не получив согласия редколлегии на публикацию, столкнулся с практическими трудностями. «Женитьба Дон-Жуана» - это 10 печатных листов. Если учесть, что весь объем журнала всего лишь в два раза больше, то уже сама громадность поэмы пугала руководителей журнала. А ведь необходимо было еще и оплатить поэту, лауреату Государственной премии РСФСР, его многолетний труд по соответствующей ставке. И получалось, что его гонорар съедает весь денежный фонд журнала. Чем платить другим авторам этого номера? Что делать? Положение было поистине плачевным. Советовались втроем: два Михаила Николаевича - Алексеев, его заместитель Горбунов, который курировал отдел поэзии, и я. Решили, что будем печатать в трех первых номерах 1977 года. Уже стало легче. Я подсказал, что можно соединить разбитые интонационно строки воедино и таким образом уменьшить их количество. Тем более что октава подразумевает восемь строк, а не десять, как было у Федорова. Тогда платили деньги за каждую строку, потому и разбивали их обильно Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский и другие поэты. Грешил этим и я.

Но как встретит подобные предложения сам автор? Автор согласился с моими доводами и разрешил сократить все возможное для сокращения, заявив при этом: «Делайте вместе с Ларисой что хотите, а мне эта поэма надоела до чертиков».

И вот мы с его супругой Ларисой Федоровной сели за работу. Путем соединения разбитых строк в одну нам удалось достичь искомого. Пришедший к концу дня Василий Дмитриевич поразился мастерству совершенного: «Удивительно, но смысл моих песен явно не пострадал».

На следующий день я поднимаюсь по отвесной лестнице на второй этаж редакции, чтобы зайти в отдел поэзии, и вижу, как от кабинета главного редактора ко мне идет высокая, сгорбленная фигура. Не сразу я понял, что это Василий Дмитриевич. Лицо его

было искажено болью. Я впервые видел уверенного в себе поэта в таком «разобранном» состоянии и обеспокоенно спросил его о причине страдания.

— Все кончено. Поэма погублена. Ее окончательно зарубил этот ваш смотритель...

Я догадался о том, что кто-то из членов редколлегии написал отрицательный отзыв и Федоров каким-то образом узнал об этом. И стал утешать, говоря, что ничего еще не решено, что редколлегия будет только завтра, что отрицательное мнение одного - это мнение только одного человека, а не всех. На мои утешения он только бормотал:

- Все потеряно. Этот у вас все решает единолично...

М.Н. Алексеева все еще не было. Стали приходить на работу сотрудники и, не желая отвечать на их недоуменные вопросы по поводу состояния Федорова, я стал убеждать Василия Дмитриевича отложить разговор с главным редактором на завтра. Заботливо проводив его на улицу, долго смотрел, как он сгорбленно идет в сторону метро «Смоленская».

Сражение за поэму

На следующий день собрались на совещание члены редакционной коллегии. Мнение большинства из них я уже знал. Оно полностью подтверждало опасения автора, изложенные в поэме: «Уже редакторов предвижу бденье...» Но я в полной мере понимал, какой духовный подвиг совершил сотворением «Женитьбы Дон-Жуана» Василий Дмитриевич. Он вступил в соревнование с классиками мировой культуры. И какими! С испанским драматургом XVII века Тирсо де Молиной, первосоздателем образа дон Жуана. С Мольером и его пьесой «Дон Жуан, или Каменный пир». С Байроном и его поэмой «Дон Жуан». С Пушкиным и его «Каменным гостем»!..

И соревнование это было достойным. Поэма отразила нравственные поиски двадцатого столетия. С изящной мудростью, с доброй иронией отметила она все достоинства и язвы современного общества. Задумка и филигранное исполнение невиданного для нашего времени замысла потребовали великого напряжения. Вот почему я жаждал опубликования поэмы и делал все возможное и невозможное для этого.

Я был свидетелем того, как за час до заседания к Алексею зашел главный редактор «Молодой гвардии» Анатолий Степанович Иванов и сказал буквально следующее: «Миша, я хочу тебе сказать как другу, что мы уже набирали в трех книжках журнала поэму Федорова, но Главлит выкинул ее вон. Наши сотрудники из-за этого несколько месяцев не получали премии. Не пропустят и у тебя. Зачем тебе это нужно? Подумай об этом».

Редколлегия прошла бурно. Шел серьезный разговор о качестве и задачах настоящей поэзии. И потому поэму разбирали по косточкам, она трещала по швам, но не рассыпалась. Гарольд Регистан, известный поэт, был единственным, кто выступил с добрым словом в защиту «Женитьбы Дон-Жуана». Остальные члены редколлегии были против, кто резко, а кто и с оговорками. Смысл оговорки был таков: Главлит все равно не пропустит в печать. Потому и журналу надо с извинениями вернуть поэму автору...

Наступил мой черед выступать. Я говорил о работах А.Кулешова, Ю.Кузнецова, Вл. Соколова, которые также трудно пробивались в печать. И критики обратили внимание на эти оригинальные поэтические произведения и оценили по достоинству. А ироническая

поэма в семи песнях Василия Федорова выбивается своей талантливостью даже в этом ряду. Говорил и о том, что после публикации «Женитьбы Дон-Жуана» я с чистой совестью могу уйти из редакции, ибо в ближайшие пять лет ничего более значительного не появится, по моим предположениям, в русской поэзии, и многое другое... Добился я одного: окончательное решение редколлегии отложили на потом. А через три недели с тихого благословения главного редактора поэма ушла в набор. А еще через два месяца ворчливый автор читал уже сигнальный экземпляр январского номера со своей поэмой. Еще через два месяца книгу «Женитьба Дон-Жуана», пахнущую типографской краской, Василий Дмитриевич Федоров держал в своих руках. Концентрированная атака на Главлит журнала «Москва» и издательства «Современник» закончилась победой русской поэзии.

Последняя встреча, а, собственно говоря, две встречи - одна за одной - были с ним на исходе зимы 1984 года. Первая - в Центральном доме литераторов, в фойе которого мы играли с ним партию в шахматы. К нему подошел Д.Е. Ляшкевич, заместитель директора Всесоюзного бюро пропаганды, и сказал, что было бы хорошо, если бы Василий Дмитриевич возглавил комиссию по творческому наследию М.Ю. Лермонтова. Федоров отказался от этой чести, ссылаясь на великую занятость, на скорое Всесоюзное совещание молодых писателей, и даже похлопал по портфелю, в котором были рукописи будущих семинаристов. А вторая встреча была через день или два после первой. Я стоял в широком фойе гостиницы «Украина» и ждал своего болгарского товарища, чью поэму переводил тогда. И вдруг меня тронули за рукав. Я оглянулся: Василий Дмитриевич блеснул воспаленными глазами.

- Что ты делаешь здесь, Толя?

- Жду Лучезара Еленкова. Он должен скоро подойти.

- Знаешь, что? Давай посидим в баре за рюмкой коньячка.

Я сказал, что неудобно перед болгарским поэтом.

- Знаешь, что? С ним ты еще успеешь посидеть не раз за столом, а со мной можешь не успеть.

И я пошел за ним вослед.

Мы подошли к стойке бара, сели на высокие стулья, заказали коньяк. Помню, разговор шел об эпохе Возрождения, о Микеланджело, о великом Данте и его «Божественной комедии». Федоров цитировал Пушкина, который заметил, что «единный план (Дантова) «Ада» есть уже плод высокого гения». Я понял, что он увлечен терцинами, а в соперники себе выбрал уже самого Алигьери. Позже я нашел в его «Терцинах» строки:

*Мне голос некий был: «очнись, Василий,
Восстань!.. Еще не взята высота,
Другие еще крыл не нарастили!
Дерзай!.. Дорогой звезд, хоть и крута,
Постигнешь, как, зачатая звездой,
Земная прорастает красота...»*

Он уезжал в Ессентуки, чтобы восстановить силы. Я обещал вскоре приехать в этот курортный город, ибо моя тетушка Ольга Филимоновна Левченко, врач, участник Великой Отечественной войны, работала в тамошней санатории, и, может быть, именно в том, куда ехал он.

К сожалению, судьба рассудила иначе...